

русской истории. Идеино-политическая насыщенность «Сказания», ярко отраженные в нем черты народности, увлекательность и реалистичность повествования — все это привлекало интерес широких читателей и обеспечило долгую жизнь «Сказания». Этим объясняется и историческая обреченность «Чтения», мелькнувшего как краткий, не имевший последствий эпизод в литературной жизни XI—XII вв. и скоро и прочно забытого, оставившего всего 18 списков. «Сказание» же переписывалось на протяжении столетий, видимо, сотни раз, так как до нас оно дошло в исключительном количестве (свыше 150) списков. Характерно при этом, что последующие писатели почти не изменяли сделанного Лазарем. Его труд сохранил в глазах потомков свою ценность в первоначальном виде. Более того, Борис и Глеб вошли в народное творчество как герои духовных стихов.¹⁵¹

Влияние «Сказания» на развитие русской литературы ближайшего времени и последующих столетий вплоть до XVII в. было исключительно велико. В частности, его влияние сказалось в литературных памятниках Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв.¹⁵² Поэтому представляет интерес вопрос о том, было ли среди книжных богатств Владимира «Сказание» Лазаря в непосредственном виде. Древнейший список «Сказания» известен нам по сборнику XII в. московского Успенского собора. Откуда он попал сюда? Есть основания думать, что оттуда же, откуда происходит ряд важнейших памятников искусства, сохранных в Успенском соборе Москвы, — из великокняжеского Владимира XII в. Так, в московском Успенском соборе оказались не только центральная святыня Владимира — икона Владимирской богородицы, но и знаменитый большой сион со сходной с боголюбовским киворием ротондальной нижней частью XII в., происходящий из драгоценной утвари владимирского Успенского собора,¹⁵³ и явно владимирские иконы, как например, оглавной Деисус XII в.¹⁵⁴ и др. Сборник Успенского собора и сам имеет художественную улику своего владимирского происхождения. На его новом (вероятно XV—XVI вв.) переплете сохранилась круглая литая бляха (диаметром 33 м) темной меди типичного для XII—XIII вв. сплава с изображением характерного для владимиро-суздальской пластики льва с захлестнутым за спину «процветшим» хвостом.¹⁵⁵ Таких львов мы найдем и на Дмитриевском соборе во Владимире (1194—1197 гг.) и среди рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.); очень близкую фигуру льва мы видим среди сбитых рельефов Успенского собора 1158—1161 гг., перенесенных на стены Всеволодовых галерей 1185—1189 гг. Таким образом, эмблема на переплете сборника Успенского собора удостоверяет принадлежность рукописи какой-то храмовой библиотеке Владимирской земли и скорее всего владимирского Успенского собора.¹⁵⁶ Возможно, что

¹⁵¹ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. XIII.

¹⁵² С. А. Бугославский. Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии. Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского, Л., 1928.

¹⁵³ P. J. Uhrigson. Romanische Einflüsse in der altrussischen Goldschmiedplastik. Zeitschrift für bildende Kunst, 1928—1929, № 10; Н. Н. Воронин. Боголюбовский киворий. КСИИМК, вып. XIII. М., 1946, стр. 55—66.

¹⁵⁴ В. Н. Лазарев. 1) Два новых памятника русской станковой живописи XII в. КСИИМК, вып. XIII. М., 1946, стр. 67—76; 2) Живопись Владимиро-Суздальской Руси. В кн.: История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 470 и сл.

¹⁵⁵ Эту деталь оформления рукописи отметил А. Н. Попов — «медный круг с изображением на нем льва с поднятой правой лапой» (А. Н. Попов. Библиографические материалы. ЧОИДР, 1879, кн. I, стр. 3).

¹⁵⁶ А. И. Соболевский, относивший Сборник Успенского собора к XIII в., считал, что он происходит из библиотеки ростовского епископа Кирилла (А. И. Соболевский и др. Остатки библиотеки XIII в. СОРЯС, т. 88. СПб., 1910, стр. 206).